

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ОСЕТИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ

Т.Т. Дауева

Статья основана на опубликованных источниках и полевом материале автора и посвящена современным трансформациям традиционных обрядов жизненного цикла – родильной обрядности осетин. Целью данного исследования является попытка проследить изменения древней традиции, ее трансформационных форм, сложившихся под давлением модернизационных и глобализационных факторов современности. Новизна исследования заключается в анализе родильной и детской обрядности на материалах, полученных автором в ходе этнографических экспедиций в Северной Осетии в 2022–2024 гг., а также глубинных интервью, проведенных с целью выявления элементов трансформации традиционной культуры. В ходе анализа использованы историко-сравнительный, системный, ретроспективный методы. Наряду с интервьюированием информантов применялся метод непосредственного наблюдения. В работе проводится сравнительный анализ трансформационных обрядов в исторической динамике, анализируются факторы, послужившие переосмыслению, изменению, исчезновению, а также появлению новых ритуально-обрядовых практик современности. Собранный автором полевой этнографический материал позволил выявить сохранившиеся элементы традиции и сложившиеся за короткий период инновации в проведении обрядов. Мониторинг исследуемой проблематики позволяет, на наш взгляд, определить конкретные перспективы некоторых инноваций, степень их внедренности в обрядовые практики современного осетинского этноса. Исследование поможет уточнить многие вопросы относительно самого механизма этнокультурной преемственности: какие инновации закрепляются в быту, какие становятся детонатором отмены определенных этностереотипов. Предварительные итоги исследования позволяют сделать выводы о достаточно высокой степени модернизации традиционной культуры и нивелировании некоторых обрядов родильного цикла. Заметную трансформацию наблюдается и в детских практиках, часть из которых видоизменилась, получив новые интерпретации. Современной социокультурной обстановке необходимо трансформирование, использование новых подходов к вопросам сохранения и развития обрядов жизненного цикла.

Ключевые слова: осетины, традиция, семейная обрядность, родильная обрядность, наречение именем, детство.

Для цитирования: Дауева Т.Т. Родильная обрядность осетин в исторической изменчивости // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 58 (97). С.103-111. DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.010

Поступила в редколлегию: 3.11.2025 г.

Обряды жизненного цикла являются важной составляющей традиционной культуры. Обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, занимают одно из главенствующих мест в жизненном цикле традиционного общества. Механизмы родильной обрядности регулируют процессы дородовые, родовые, послеродовые. Они также частично затрагивают задачи воспитания и социализации ребенка в первые годы его жизни, «религиозно-магические действия совместно с приемами родовспоможения и имитативной магией, играли определенную роль в родильных обрядах осетин» [1, 196]. В современных обществах все процессы, связанные с рождением ребенка, оказались в специализированной сфере надзора медицинских и воспитательных институтов. Планирование беременности, патронаж женщины, роды, в некоторой степени социализация ребенка – находятся под надзором специалистов. Это нивелировало анимистические, космологические, магические воззрения, характерные для родильной обрядности.

Цель статьи – исследование родильных и детских традиций, которые сохранились в современных семейных обрядах осетин. Историография вопроса довольно разнообразна. Большая часть работ содержит описание и краткое объяснение отдельных аспектов и

ритуальных практик родильной обрядности. Наиболее ранние сведения получаем из материалов Н.Г. Берзенова и А.М. Шегрена [2, 3]. Авторы описывают семейную обрядность осетин, важность рождения мальчиков в семье, принимаемые меры при бездетности и т.д. Публицистические статьи И.Д. Канукова содержат материалы по суевериям, связанным с рождением детей и лечением их болезней. В статьях автор затрагивает положение женщины в семье, связывая изменение ее статуса с рождением детей [4]. В статье о «вредных» обычаях Кануков затрагивает тему женского здоровья, вреде ношения корсета, что, по его мнению, отрицательно сказывалось на здоровье и способности к грудному вскармливанию [5, 196]. Д.Ю. Лавров описывает внутрисемейные отношения у осетин, уделяя внимание взаимоотношению родителей и детей [6]. Аналогичный аспект освещается В.Б. Пфафом, который сообщает ценные сведения о детской обрядности, включая рождение ребенка, его наречение и патриархальную систему воспитания у осетин [7, 86-101]. Комплексному описанию традиционных форм обрядности, охватывающему жизненный цикл осетин Нарской котловины, посвящена работа К.Л. Хетагурова «Особа», в которой освещаются положение женщины в семье, родильные обряды, культура воспитания [8, 9]. М.М. Ковалевский в своих исследованиях уделяет особое место культуре и быту народов Кавказа. Автор, описывая институт семьи у осетин, сообщает сведения, касающиеся родильной обрядности, этнографии детства, взаимоотношений между поколениями и т.д. [10].

В советской этнографии обряды, представляющие интерес для нашего исследования, описаны с высокой степенью детализации и научной обоснованности. В частности, следует обратить внимание на работу Е.Г. Пчелиной «Родильные обычаи осетин». Работа имеет особое значение, поскольку базируется на полевых материалах, собранных автором на юге и севере Осетии [11]. Подобное исследование предоставляет возможность реконструкции семейного быта осетин и существовавшего в нем обрядового комплекса. Пчелина проводит глубокий анализ патриархальной структуры общественного устройства и архаических аспектов родильной обрядности в контексте осетинской культуры, выделяя локальные особенности осетинской родильной обрядности и указывая как общие, так и универсальные черты. Особое место в историографии вопроса занимает работа А.Х. Магомедова [12, 257-265]. В ней выделены разделы: «Родильные обряды», «Воспитание детей и юношества», где дается подробный анализ культово-обрядовых действий.

Историографический обзор подтверждает, что проблема родильной и детской обрядности осетин весьма подробно исследована в различных областях. Однако вопрос трансформации, модернизации родильной обрядности в настоящее время в научной литературе не освещен.

Основные материалы, используемые в нашем исследовании, были собраны в Северной Осетии во время этнографических экспедиций последних лет: в гг. Владикавказе и Алагире, а также в сельских населенных пунктах Црау, Мизур, Эльхотово, Чикола, Урсдон и ст. Змейская. Возраст респондентов варьировался от 29 до 86 лет. Глубинные интервью и наблюдения позволили собрать информацию и сделать некоторые выводы о сохранности традиционной культуры и ее современных трансформациях. Интернет-ресурсы использовались с целью выявления элементов трансформации, а также анализа реакции местных жителей на новации.

В исследовании использованы параметры обрядности, определяемые понятием «традиционная культура», зафиксированной в источниках XVIII – начала XX в. Сравнительный анализ разновременных традиций позволяет выявить вторичные формы по отношению к исходной версии обрядности. При этом важно понимать, что ни в прошлом, ни в настоящем не существовало единой обрядности жизненного цикла, в то время как выделяются ее локальные особенности. Обряды жизненного цикла при этом имеют общую структуру, общую поэтапную последовательность, смысловую и семантическую нагрузку, что дает нам право считать их единой системой.

Одним из факторов, оказывающим влияние на традиционную обрядность, считаются современные модернизационные, а также глобализационные процессы. В традиционной родильной обрядности, по нашему мнению, нет потребности в настоящее время, поскольку проведение родов в медицинском учреждении нивелировало обрядовые действия, которые имели место в дородовой и послеродовой периоды. Однако традицион-

ные представления о важности рождения ребенка, особенно мальчика как продолжателя фамилии, и значении для женщины возможности иметь многочисленное потомство, сохраняется и находит отражение в традиционных благопожеланиях [13, 65]. Например, замужней обычно говорят: «*Лæппу дын райгуырд!*» – «Пусть у тебя родится мальчик!» Благопожелание семье может звучать и так: «*Хуыцау уа бирæ скæнæд!*» – «Пусть Всевышний вас преумножит!» На свадебном торжестве по прибытии невесты в дом жениха, в молитве произносится фраза: «*На мыггаг нын куыд сбирæ кæна*». – «Нашу фамилию пусть (невеста) преумножит». Вместе с благопожеланиями счастливой жизни при рождении девочки можно услышать пожелание «*Авд лæппуы хистæр хо фæ у*». – «Пусть станет старшей сестрой семи братьев»¹.

Молитвословия, употреблявшиеся в контексте свадебной обрядности, были направлены на обеспечение молодых многочисленным потомством [14, 266]. В настоящее время также сохраняются критерии отбора действующих лиц на свадебной церемонии. Женщины, которые участвуют в церемонии одевания невесты в традиционный костюм, и названная мать (*кæнгæмад*), сопровождающая невесту всю свадьбу, выбирались исключительно многодетные и счастливые в браке.

Ритуально-обрядовые действия, которые проводились в доме невесты, имели апотропейную функцию. В доме жениха добавлялись действия, связанные с деторождением, пожеланиями многочисленного потомства, мужского и т.д. Одним из первых ритуалов после ввода невесты в дом жениха была подача-сажание на колени невесте мальчика до 2 лет.

Одним из элементов обрядности является угощение молодых невесток вареными яйцами, украшающими традиционное блюдо *дзыкка*, во время праздничного застолья *кæх-цæнæн*².

Отметим, что в случае бездетности актуальным является посещение святилищ. В первую очередь, женщины посещают семейное святилище той местности, откуда, по поверью, произошла фамилия девушки. Покровителем деторождения в Даргавсе является также *Фыры-дзуар*, которому возносят молитву, если в семье долгое время не появляются дети. Как указывают информанты, для того чтобы посетить святилище, обычно просят *дзуар-лæг*'а сопроводить их и помолиться, готовят ритуальные три пирога, режут в основном барана, либо используют три говяжьих ребра. Среди туристов популярным является посещение святилища *Мады Майрæм* в с. Тиб с целью вымолить себе ребенка. Туристы, которые чаще всего не осетинской национальности, приходят на святилища без необходимых атрибутов – традиционных ритуальных пирогов и жертвенного животного³.

Родильная обрядность целиком была направлена на обеспечение нормальной беременности, облегчения родовой деятельности, поэтому о беременности старались не говорить, по записям материалов экспедиций 1970–1973 гг. беременность скрывали до 6 месяцев [14]. Внешнее проявление беременности также скрывалось. Женщина старалась носить более широкую одежду, а также не показываться старшим мужчинам. В некоторых поселениях у беременных были свои дороги, тропы, где вероятность встретить кого-либо из мужчин была наименьшей [15, 209].

Некоторые запреты сохраняются и в настоящее время. В частности, беременным женщинам не рекомендуется участвовать в похоронно-поминальных мероприятиях, поскольку, считается, что это может отразиться на общем состоянии здоровья будущего ребенка.

В настоящее время в обществе активно распространяются гендерные вечеринки, на которых оглашают пол будущего ребенка. Данное мероприятие отмечается не только в кругу семьи, сфера услуг также предлагает различные креативные решения, такие как дым, фейерверки, шары, торты с розовым или голубым содержанием внутри и т.д. Наиболее масштабным оказалось проведение мероприятия с использованием самого большого в столице колеса обозрения, которое подсвечивалось в голубой или розовый цвет соответственно полу будущего ребенка⁴. Данные нововведения имеют исключительно развлекательный характер и нивелируют те поведенческие табу, которые были характерны для родильной обрядности.

В рамках детской обрядности можно выделить традиционные ритуалы, направленные на защиту младенца от сглаза и вредоносных сил. В течение установленного периода,

который, по словам информантов, варьируется от 40 дней до 3-х месяцев, ребенка стараются не показывать посторонним лицам.

В работе В.Ф. Миллера указано, что для защиты детей от сглаза изготавливались амулеты в честь Сафы [17, 152]. Особое место в детской обрядности отводится культу божественного покровителя домашнего очага *Сафа*, а также *Бынааты Хицау* (*Бындур*), покровительство которого испрашивали для новорожденного ребенка, новой невесты. В настоящее время в рамках приобщения ребенка к домашнему очагу готовится *хуын*, состоящий из ритуальных трех пирогов и правых ребер жертвенного животного. Проводится торжество в первый вторник после выписки из медицинского учреждения. По словам информантов, целью данного мероприятия является приобщение ребенка к дому, предохранение его от того «вреда», который ему может нанести *Бынааты Хицау*. Традиционно, ритуальное угощение prepares семья матери новорожденного, отправляя данный *хуын* с младшими семьи. Присутствовать и угоститься на данном торжестве могут исключительно члены семьи. Следует указать, что данная традиция не описывается авторами и исследователями, поэтому, мы можем сделать предположение о новаторском характере данной традиции. В праздник, посвященный *Тутыр'у*, расправляли у кузнеца гвозди и кусочки железа в пластинки, освящали старшими семьи и надевали малышу на шею, либо вешали на колыбель [17, 265]. Известно, что в праздник *Тутыртае* девушки плели браслеты из красной нити от сглаза, а также, как указывает Л. А. Чибиров,шивали на правом плече внутренней рубахи имена членов семьи для предохранения от дурного глаза и заразных болезней. Данная информация получена профессором во время сбора полевых материалов [18, 569].

В случае необходимости выноса ребенка из дома применяются традиционные методы защиты, одним из которых является использование красной нити, надеваемой на запястье ребенка. Однако, нами зафиксировано, что не всегда соблюдаются традиционные способы и условия плетения подобного амотропейного браслета, ограничиваются покупкой готовых браслетов из атласной нити красного цвета, причем, иногда на него навешивают различные камни в виде глаза⁵. Иногда ограничиваются прикреплением к одежде новорожденного металлической булавки с левой стороны.

Согласно полевым материалам, в колыбель новорожденного, а в настоящее время в коляску кладется маленький нож – для мальчика, ножницы – для девочки. Предметы эти необходимо сохранять до появления у ребенка первых зубов или исполнения ему одного года.

Гости также соблюдают поведенческие нормы – обычно стараются не заглядывать в люльку и не касаться новорожденного, чтобы не подвергнуть его сглазу. После первого года после рождения ребенка ему производили первую стрижку (обычно наголо) вне зависимости от пола. Считается, что, если не обрить ребенку голову, он будет регулярно подвержен сглазу.

Остричь ребенка обычно доверяют кому-либо из родственников-мужчин. В том случае, если пришлось воспользоваться услугами профессионального мастера, остриженные волосы забирают и выбрасывают в реку (проточную воду). Приведенные выше действия имеют оберегательную функцию от нечистых сил.

Обряд наречения именем описан по-разному. Например, В.Б. Пфаф пишет, что «...обряд наречения именем детей весьма древний. Каждое дитя получает свое имя от того лица, которое шьет ему первую рубашку» [7, 184]. По описанию В. Ф. Миллера, при рождении ребенка мужчины приносят ему пули и материю на рубашку [16, 257-265]. Один из них обычно дает свое имя. Этнограф Т. З. Бесаева указывает на существование фамильных имен, например, фамилия Фидаровы – имя Фидар, Бираговы – Бирагъ и т.д. [19, 275]. Осетины верят, что имя человека идентифицирует его черты характера, состояние здоровья, удачливость в делах, долголетие.

Исследователи указывают на тот факт, что в одной семье исключалась возможность наречения одинаковыми именами более одного члена семьи [20, 56]. Данного факта избегали осознанно. По данным наших полевых материалов, делалось это для того, чтобы ребенок не повторял судьбу того, чьим именем он был назван. Особо старались избегать имен тех однофамильцев, кто был убит во время войны, был несчастен, бездетен и т.д.

В контексте традиционного мировоззрения болезненность ребенка часто связывалась с неудачно выбранным именем. В таких случаях могли прибегнуть к изменению имени, рассматривая это как защиту от злых или покровительства со стороны добрых сверхъестественных сил.

В настоящее время наблюдается иная картина. Имя ребенку дают его родители или кто-либо из членов его семьи. Иногда имя предлагают родственники, однако окончательное решение в его выборе принадлежит родителям ребенка. При этом отсутствует соблюдение каких-либо ритуальных практик. В некоторых случаях играет роль месяц рождения мальчика. Например, если мальчик рождается в июле, то часто его называют Хетагом, в честь святого Хетага, чествование которого совершается в июле, если в ноябре, в дни празднования праздника *Уастырджийы бонтæ*, то называют Георгием. Наиболее популярным пользуется наречение ребенка именем бабушки и дедушки по патронимической линии.

Имеет место, но не носит массовый характер, наречение именем того, кто погиб в ходе СВО. Обычно, именем героя называют своих сыновей близкие родственники по патронимической линии, а также друзья погибшего. Имя ребенку дают родители, либо назначают т. н. – *номывæрæг*, букв. «человек, который дал имя», конечно, он предварительно согласовывает свой выбор с родителями и предлагает им несколько вариантов. Обычай придерживаются как в сельской, так и городской местностях. Выбор имени также может производиться с помощью жребия: каждый из членов семьи записывает на небольшом куске бумаги выбранное им имя, складывает его в шапку. Называют новорожденного тем именем, которое выпадет чаще остальных при трех попытках.

Одним из значимых и торжественно обставленных детских обрядов был *авдæнбæттæн* – церемония укладывания ребенка в колыбель. После рождения ребенка это был первый праздник, символизирующий приобщение новорожденного к семье и дому. Отметим, что новорожденного купали прежде, чем уложить в люльку, причем доверяли это одной из соседок. А.Х. Магомедов, указывает, что *авдæнбæттæн* являлся женским праздником [12, 196]. К этому случаю пекли пироги, варили пиво, резали баранов или бычков. Сегодня люльки практически не используют. Информанты объясняют это тем, что ребенок, привыкший отдыхать в люльке, становится не мобильным и возникают трудности при укладывании спать, например, во время прогулки. При этом в республике налажено производство традиционных колыбелей на любой вкус – с использованием различных пород дерева и на любой бюджет.

Согласно сведениям, полученным от наших информантов, традиционной обрядности прибегали в том случае, когда нарушалось развитие ребенка. Например, если ребенок не начинал ходить вовремя, ему «перерезали путы»: между ног ребенка символически перерезали, имитируя разрезание, нити ножом или ножницами.

В случае плохого сна ребенка, частых болезней, отсутствия аппетита прибегают к помощи знахарок. Однако, традиционных способов «регулирования» этих отклонений у знахарок не имеется. Большая часть из них прибегает к православным молитвам и окрапывает священной церковной водой, остальная фокусируется на неких языческих обрядах, не имеющих традиционного осетинского основания.

По статусу ритуальной значимости нельзя не упомянуть о празднике *Кæхцæгæнæн*, сопровождающем рождение мальчика: «всякий дом, где есть новорожденный, должен зарезать какую-нибудь скотину, принести ее обществу, засвидетельствовав о новорожденном мальчике. В сборном месте, куда собирается село для празднования *кæхцæгæнæн*, обыкновенно по числу зарезанных животных... определяют количество родившихся мальчиков в селе за настоящий год» [21]. Действительно, по замечанию информантов старшего поколения, семьи в которых в течение года рождался мальчик, устраивали торжество для всего селения. Таких семей могло быть несколько и в таком случае устраивалось коллективное угощение односельчан.

Кæхцæгæнæн включал развлекательные, состязательные мероприятия и относился к числу событий, в которых обрядовая роль принадлежала и женщинам [20, 204]. Отмечался обычно в следующее воскресенье после праздника Хетага.

Пиршество в честь родившегося ребенка осетины устраивают и в настоящее время, но не всегда оно приурочивается к принятой дате *кæхцæгæнæн*. Обычно его устраивают в

первый день рождения мальчика. Информанты это объясняют тем, что нецелесообразно устраивать два больших торжества на сегодняшний день, поэтому в день рождения органично вписались обрядовые действия, характерные в праздник *Кæхцæнæн*. Как и прежде, все основные расходы на празднике входит в обязанность семьи матери [22, 179]. В обязательном порядке это должно быть жертвенное животное – баран или бык, а также различные подарки для малыша – одежда, игрушки.

Необходимой составляющей праздника *Кæхцæнæн* было ритуальное блюдо – *дзыкка*. Его готовят из свежего сыра или сметаны, украшают вареными яйцами. *Дзыкка* готовится на многие праздники, считается символом достатка, благополучия.

Смысл данного обряда был в том, чтобы после рождения девочки непременно родился мальчик. Несмотря на то, что *Кæхцæнæн* был праздником мальчиков, в *дзыкка*, который приносила семья матери, окунали ножку младшей дочери. И по настоящее время одним из приветствий рождения девочки бывает: *Да кæх дзыккайы тылд фæуат*. – Пусть окунут твою ножку в *дзыкка* (т.е., пусть после тебя родится мальчик). Среди наших информантов встречаются девушки, которые говорят, их называли *дзыккакæхаг чызг*, так как их правую пятку окунали в *дзыкка* в праздновании дня рождения либо *Кæхцæнæн* младшего брата. Сегодня данный ритуал проводится немного в искаженном виде, *дзыкка* приносит семья матери даже в случае, если праздник первенца, и окунают в него ножку виновника торжества⁶.

Торжество в первый год рождения девочки проводится также массово, однако, не носит название *Кæхцæнæн* и исключает свойственную ему атрибутику. Семья матери также принимает активное участие в празднике, выделяясь большим количеством подарков для малышки. Данные подарки всегда сопровождаются необходимыми элементами *хуын'а* – три пирога с сырной начинкой, жертвенное животное, напитки.

В отличие от прошлого в подобных торжествах наиболее активное участие принимает родственный коллектив, соседи, друзья отца и матери ребенка.

Отметим, что до сегодняшнего дня сохранился обычай определение призвания и будущей профессии ребенка. Для этого на полу раскладывали орудие различных ремесел, предметом, до которого дотрагивался мальчик, и считалась его будущая профессия. Для девочек этот обычай практиковался реже [18, 262]. Данный обычай сохраняется и проводится в настоящее время. Обычно, в день празднования первого дня рождения, на полу стелют небольшой ковер и раскладывают на нем предметы различных профессий. Затем усаживают ребенка и следят за тем, к чему он потянется прежде всего, что возьмет в руки первым. Обычно, дают три попытки для выбора и из выбранных предметов, взрослые угадывают его будущую профессию. Малый бизнес отреагировал на данный обычай и сегодня в прокате, либо купить можно различные предметы для прохождения этого действия в одном стиле. Например, мастерами изготавливаются предметы маленького размера такие как, тонометр, стетоскоп, градусник, половник, венчик, калькулятор, книга, ручка, ключи от машины, удостоверение (полицейского, например), и т.д. Обычно для проведения этого ритуала пекут специальный овальный пирог с сырной начинкой – *гуыл*. По завершении этого действия ребенку дают откусить *гуыл* и разделяют его между членами семьи по завершении праздника. В случаях, когда праздник проводят в ресторане, вне дома, *гуыл* забирают домой и разделяют между членами семьи.

В заключении можно сделать вывод, что в настоящее время процессы глобализации, модернизации традиционной культуры повлекли за собой нивелирование некоторых обрядностей родильного цикла. Заметную трансформацию наблюдаем и в детских практиках, некоторые из которых видоизменились, получив новые интерпретации, а некоторые считаются инновациями.

Примечания:

1. Полевые материалы Дауевой Т.Т. Инф. Босиев Алихан Михайлович, 1932 г.р., РСО-Алания, пос. Мизур, зап. 21.05.2022 г.

2. Полевые материалы Дауевой Т.Т. Инф. Босиев Алихан Михайлович, 1932 г.р., РСО-Алания, пос. Мизур, зап. 21.05.2022 г.

3. Полевые материалы Дауевой Т.Т. Инф. Айдарова Белла Алексеевна, 1950 г.р., РСО-Алания, г. Владикавказ, зап. 07. 06. 2024.
4. Полевые материалы Дауевой Т.Т. Инф. Аликова Разита Дзиевна, 1952 г.р., РСО-Алания, с. Старый Батакоюрт, зап. 08.08. 2024 г.
5. Полевые материалы Дауевой Т.Т. Инф. Гокоев Руслан Агубеевич, 1946 г.р., РСО-Алания, ст. Змейская, зап. 29.05. 2022 г.
6. Полевые материалы Дауевой Т.Т. Инф. Дауев Тамерлан Таймуразович, 1960 г.р., РСО-Алания, с. Эльхотово, зап. 20.10.2022 г.

-
1. Бесолова Е.Б., Дарчиева М.В. Об обряде «строительная жертва» в традиционной культуре горцев (на материалах поэмы К.Л. Хетагурова «Плачущая скала» // Россия и Кавказ: история и современность. Махачкала: ДНЦ РАН, 2009. С. 194-200.
 2. Берзенов Н. Очерки Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвал: Иристон, 1981. Кн. 1. С.103-106.
 3. Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях. М., 1847. 216 с.
 4. Кануков И.Д. Положение женщины у северных осетин // В осетинском ауле: рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. С. 272-287.
 5. Кануков И.Д. К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев // В осетинском ауле: рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. С. 300-305.
 6. Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали: Иристон, 1989. Кн. 4. С. 37-99.
 7. Пфаф В.Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. 1872. Т. 2. С. 80-144.
 8. Хетагуров К.Л. Особа (этнографический очерк) // Полное собрание сочинений в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 313-374.
 9. Гутиева Э.Ш. Коста Хетагуров и общественно-культурная среда Осетии // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сб. мат. Междунар. конф., посв. 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2014. С. 73-80.
 10. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). В 2-х т. Владикавказ: Алания, 1995. Т. 1. 342с., Т. 2. 412 с. (Репринт. воспр.)
 11. Пчелина Е.Г. Родильные обычаи у осетин // Советская этнография. 1937. № 4. С. 85-103.
 12. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 1968. 567 с.
 13. Канукова З.В. Традиция в современном осетинском обществе. Владикавказ: Ир, 2018. 150 с.
 14. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН. Ф. 4. Оп 1. Д. 58.
 15. Бесиева Т.З. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением ребенка (конец XIX – начало XX вв.) // Сборник трудов института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе: Ир, 1976. Т. 31. С. 204-215.
 16. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 713 с. (Репринт. воспр.).
 17. Абаева Ф.О. Обрядовый текст института сватовства (минавæртта æрвиты æгъдау) у осетин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2012. № 1. С. 264-267.
 18. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.
 19. Бесиева Т.З. Обряд наречения именем у некоторых народов Северного Кавказа // Ономастика Кавказа. Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. С. 273-279.
 20. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. СПб.: СПбГУ, 2003. 240 с.
 21. Кавказец. Весенние праздники осетин // Кавказ. 1900. № 197.

22. Дзлиева Д.М. Песни «Алай» в осетинской свадьбе: к проблеме генезиса и типологии // Фольклор: историческая традиция и современные полевые исследования. Мат. 4-й междунар. науч. конф. памяти А.В. Рудневой. Сер.: Научные труды Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Сб. 75. М., 2012. С. 172-180.

Daueva, Tamara T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); tdaueva@mail.ru

OSSETIANS MATERNITY RITUALS IN HISTORICAL VARIABILITY.

Keywords: Ossetians, tradition, family rituals, maternity rituals, naming, childhood.

This article, based on published sources and the author's fieldwork, examines contemporary transformations of traditional life-cycle rites – the maternity rituals of the Ossetians. The aim of this study is to trace changes in this ancient tradition and its transformative forms, which have developed under the pressure of modernization and globalization. The study's novelty lies in its analysis of maternity and childhood rituals based on materials obtained by the author during ethnographic expeditions in North Ossetia in 2022–2024, as well as in-depth interviews conducted to identify elements of traditional cultural transformation. Historical-comparative, systemic, and retrospective methods were used in the analysis. Direct observation was also employed alongside interviews. The work provides a comparative analysis of transformational rites in historical dynamics, analyzing the factors that led to the rethinking, change, disappearance, and also the emergence of new ritual and ceremonial practices of modern times. The ethnographic fieldwork collected by the author allowed the identification of surviving elements of the tradition and innovations in the performance of rituals that have emerged over a short period. In our opinion, monitoring the researched issues will allow us to determine the specific prospects of certain innovations and the extent to which they have been integrated into the ritual practices of the modern Ossetian ethnic group. The study will help clarify many questions regarding the very mechanism of ethnocultural continuity: which innovations are entrenched in everyday life, and which serve as a catalyst for the dismantling of certain ethnic stereotypes. Preliminary results of the study suggest a significant degree of modernization of traditional culture and the erosion of certain birth rituals. A noticeable transformation is also observed in children's practices, some of which have been modified and reinterpreted. The current sociocultural environment requires transformation and the use of new approaches to the preservation and development of life cycle rituals.

For citation: Daueva, T.T. Ossetians maternity rituals in historical variability // *Izvestiya SOIGSI*. 2025. Iss. 58 (97). Pp.103-111. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.010

References

1. Besolova, E.B., Darchieva, M.V. *Ob obryade "stroitel'naya zhertva" v tradicionnoi kul'ture gortsev (na materialakh poemy K.L. Khetagurova "Plachushchaya skala")* [On the rite of "building sacrifice" in the traditional culture of the Highlanders (based on the materials of K.L. Khetagurov's poem "The Crying Rock")]. *Rossiya i Kavkaz: istoriya i sovremennost'* [Russia and the Caucasus: history and modernity]. Mahachkala, Dagestan Scientific Center of RAS, 2009, pp. 194-200.
2. Berzenov, N. *Ocherki Osetii* [Essays on Ossetia]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [The periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians]. Tskhinvali, Iriston, 1981, book 1, pp. 103-106.
3. Sjögren, A. *Religioznye obryady osetin, ingushei i ikh soplemennikov pri raznykh sluchayakh* [Religious rituals of Ossetians, Ingush and their tribesmen in various cases]. Moscow, 1847. 216 p.
4. Kanukov, I.D. *Polozhenie zhenshchiny u severnykh osetin* [The status of women among North Ossetians]. *V osetinskom aule: rasskazy, ocherki, publitsistika* [In the Ossetian village: short stories, essays, journalism]. Ordzhonikidze, Ir. 1985, pp. 272-287.
5. Kanukov, I.D. *K voprosu ob unichtozhenii vrednykh obychaev sredi kavkazskikh gortsev* [On the issue of the destruction of harmful customs among the Caucasian mountaineers]. *V osetinskom aule: rasskazy, ocherki, publicistika* [In the Ossetian village: short stories, essays, journalism]. Ordzhonikidze, Ir, 1985, pp. 300-305.

6. Lavrov, D.Ya. *Zametki ob Osetii i osetinakh* [Notes on Ossetia and Ossetians]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Oseti i osetinakh* [The periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians]. Tskhinvali, Iryston, 1989, book 4, pp. 37-99.
7. Pfaf, V.B. *Etnologicheskie issledovaniya ob osetinakh* [Ethnological research on Ossetians]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. 1872, iss. 2, pp. 80-144.
8. Khetagurov, K.L. *Osoba (etnograficheskii ocherk)* [Osoba (ethnographic essay)]. *Polnoe sobranie sochinenii v 5 tomakh* [Complete works in 5 volumes]. Vladikavkaz, 2000, vol. IV, pp. 313-374.
9. Gutieva, E.Sh. *Kosta Khetagurov i obshchestvenno-kul'turnaya sreda Osetii* [Kosta Khetagurov and the socio-cultural environment of Ossetia]. *Kosta i mirovoi istoriko-kul'turnyi protsess. Sb. mat. Mezhdunar. konf., posv. 155-letiyu so dnya rozhdeniya K.L. Khetagurova* [Kosta and the world historical and cultural process. Proceedings of the International Conference dedicated to the 155th anniversary of K.L. Khetagurov's birth]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014, pp. 73-80.
10. Kovalevsky, M.M. *Sovremennyyi obychai i drevnii zakon (obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii). V 2-kh t.* [Modern custom and ancient law (Ossetian customary law in historical and comparative light). In 2 vols]. Vladikavkaz, Alaniya, 1995, vols 1, 2. (Reprinted ed.)
11. Pchelina, E.G. *Rodil'nye obychai u osetin* [Maternity customs among Ossetians]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1937, no. 4, pp. 85-103.
12. Magometov, A.Kh. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Culture and way of life of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 567 p.
13. Kanukova, Z.V. *Traditsiya v sovremennom osetinskom obshchestve* [Tradition in modern Ossetian society]. Vladikavkaz, Ir, 2018. 150 p.
14. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy* [Scientific archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies]. Fund 4. Inventory 1. Case 58.
15. Besaeva, T.Z. *Obychai i obryady osetin, svyazannye s rozhdeniem rebenka (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Ossetian customs and rituals related to the birth of a child (late XIX – early XX centuries)]. *Sbornik trudov Instituta istorii, ekonomiki, yazyka i literatury* [Proceedings of the Institute of History, Economics, Language and Literature]. 1976, vol. 31, pp. 204-215.
16. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, 1992. 713 p. (Reprinted ed.)
17. Abaeva, F.O. *Obryadovyi tekst instituta svatovstva (minæværtta ærvity æg'dau) u osetin* [The ceremonial text of the Matchmaking institute among Ossetians]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* [Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University]. 2012, no. 1. pp. 264-267.
18. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of the Ossetians]. Moscow, ROSSPEN, 2008. 711 p.
19. Besaeva, T.Z. *Obryad narecheniya imenem u nekotorykh narodov Severnogo Kavkaza* [The rite of naming among some peoples of the North Caucasus]. *Onomastika Kavkaza* [Onomastics of the Caucasus]. Mahachkala, Daguchpedgiz, 1976, pp. 273-279.
20. Khadikova, A.Kh. *Traditsionnyi etiket osetin* [Traditional etiquette of Ossetians]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2003. 240 p.
21. Kavkazets. *Vesennie prazdniki osetin* [Spring holidays of Ossetians]. Kavkaz, 1900, no. 197.
22. Dzlieva, D.M. *Pesni "Alai" v osetinskoi svad'be: k probleme genezisa i tipologii* [Songs "Alai" in the Ossetian wedding: on the problem of genesis and typology]. *Fol'klor: istoricheskaya traditsiya i sovremennye polevye issledovaniya. Mat. 4-i mezhdunar. nauch. konf. pamyati A.V. Rudnev-oi. Ser. "Nauchnye trudy Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. P.I. Chaikovskogo. Sbornik 75"* [Folklore: historical tradition and modern field research. Proceedings of the 4th International Scientific Conference in memory of A.V. Rudneva. Ser. "Scientific works of the Moscow State Tchaikovsky Conservatory. Collection 75"]. Moscow, 2012, pp.172-180.